
КОНТИНУАЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 2-Й ПОЛОВИНЫ XX В.

А.Ю. Завалишин

Кафедра социально-гуманитарных наук
Хабаровская государственная академия экономики и права
Тихоокеанская ул., 134, Хабаровск, Россия

Обосновывается необходимость введения в российский социологический дискурс понятия континуальности, рассматриваются подходы к его анализу, существующие в западной теоретической социологии.

Под континуальностью, чаще трактуемой как «непрерывность», мы подразумеваем онтологическую неразрывность общества и физического пространства (территории), данную априори, но, как ни парадоксально, систематически игнорируемую исследователями в «аналитических интересах» [5. С. 97, 149; 19. Р. 45]. Действительно, большинство классических социологических трудов, также как и фундаментальных теорий, игнорируют территорию или шире — физическое пространство — в качестве фактора, условия или фона (background), при которых или на которых протекают социальные процессы.

Это тем более любопытно, что Т. Парсонс, заложивший краеугольный камень такой традиции, утверждает, что «каждое конкретное событие... происходит в пространстве» [5. С. 313]. Данный парадокс, как мы увидим, связан со стремлением ученых, находившихся в 1-й половине XX в. на пике академической полемики по поводу объекта и предмета социологии, бороться за право считать ее наукой об обществе наряду с естественными науками. Известное высказывание Т. Парсонса о том, что категория «пространство» иррелевантна теории действия, рассматриваемой как аналитическая система [19. Р. 45], следует понимать так, что «науки о <социальном> действии не могут быть отраслью естественных наук». И далее: «Идея, что физические тела, с которыми связаны действия или которые включены в эти действия, занимают специфическое место в физическом мире, и в то же время, что тело агента [2] действует, свидетельствует, что паттерны пространственного устройства, которые связаны с действием, всегда являются важным условием в конкретном направлении действия» [30. Р. 187].

Еще один аналитический парадокс, проявившийся в приведенных выше высказываниях, связан с методологической инверсией категорий «территория» и «пространство». Не вдаваясь в теоретические подробности, отметим лишь, что в значительной части работ социальной направленности (не только сугубо социологических, но и политико-экономических, социально-географических и др.) данные термины зачастую используются как синонимы, поскольку индивиды, также как группы и общности, априори действуют в географическом пространстве, на какой-либо территории. В то же время категория «пространство» в социологической экспликации — понятие более широкое и емкое, нежели «территория». Дос-

таточно сказать, что последняя ее более или менее коррелирует лишь с физическим (евклидовым) пространством (будучи двухмерным по сравнению с его трехмерностью) и лишь путем крайней редукции может быть соотнесена (но не уравнена концептуально!) с n -мерным социальным пространством. В данном случае мы намеренно оставляем за рамками статьи это противоречие и сконцентрируем внимание прежде всего на методологическом анализе континуальности и взаимовлияния физического пространства и общества, имеющем не только сугубо теоретический (например, для социологии региона, города и деревни), но и практический (административно-политический, хозяйственно-экономический) интерес. Это особенно важно, поскольку в отечественных социальных науках вплоть до самого последнего времени имплицитно сохранялся сугубо марксистский субстанциальный подход к данной проблеме. Не только в советские, но и в последующие годы большинство российских исследователей, кажется, и сами не осознавая этого, пытались ее решать либо сугубо утилитарно (что особенно характерно для пространственной (территориальной) экономики [3; 4] и регионоведения [1], либо с позиций марксистского материалистического монизма. Лишь в 2000-е гг. некоторые ученые попытались выйти за рамки такого утилитаризма и монизма [2; 6; 8], в то время как в зарубежной социологии уже сравнительно давно сложился ряд альтернативных аналитических перспектив, ориентированных на анализ социального в пространственной (и в том числе территориальной) аппликации, мало знакомых российским исследователям.

Интерес к пространственно опосредованному изучению общества и (или) его отдельных сегментов (региональных и (или) поселенческих общностей, социальных институтов и т.д.) возник за рубежом в 1960-е гг. первоначально в рамках социальной географии и экономики, позже (и это не случайно) в экономической социологии и социологии региона (регионализма). При этом истоки современных методологических перспектив, направленных на континуальный анализ общества и пространства, обнаруживаются уже в трудах классиков социологии: П. Сорокина, М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса и др.

Современные западные исследователи, и прежде всего Б. Верлен, обстоятельно рассмотревший данную проблему с позиций социальной географии [30], выделяют три фундаментальные парадигмы, по-разному специфицирующие связь общества (как системы (взаимодействий) долговременной группы индивидов) и физического пространства: бихевиористскую, социально-философскую и социологическую (в дихотомии объективной и субъективной перспектив).

Классический бихевиоризм рассматривает социальное поведение как «ответ» на «стимул», где в качестве второго выступает окружающая среда (т.е. территория со всеми, присущими ей характеристиками: диспозиционными, ресурсными, климатическими и т.д.). При этом, что важно, среда рассматривается как априорная причина «ответа», и, соответственно, имеет место редукция, поскольку человеческие действия фиксируются как физические процессы, то, «что делает живое существо» (*the living being does*) [29. Р. 6]. Целью бихевиористского исследования, таким образом, является каузальное описание поведения в терминах научной

теории, учитывающей стимулы, соответствующие ответу живого организма, который может быть предсказан детерминистски-номотетическим способом.

Когнитивный бихевиоризм идет несколько дальше такого упрощенного подхода и размещает между стимулом и ответом рефлексующее сознание и познание действующего субъекта, которые рассматриваются как релевантные для поведения. Но в любом случае причиной последнего выступает внешнее воздействие, а не сознательный акт агента, что принципиально разводит базовые посылы бихевиоризма и социологии. Как отмечает Б. Верлен, проблема состоит в том, что «результаты бихевиористского исследования „пространственного сознания“ (spatial awareness), „мысленных <географических> карт“ (mental maps) и т.д. не связаны друг с другом в терминах их фундаментальных предположений, касающихся индивидуального поведения... Представители „бихевиористской географии“ иногда замечают, что субъективное восприятие пространственных паттернов отличается от „объективных“ факторов. Но они не идут дальше. Причины различий субъективных восприятий и их воздействия на различные типы поведения реально не исследуются. Субъективные восприятия никаким образом не связываются с субъективным поведением» [30. Р. 10]. Данное методологическое противоречие разрешается в рамках теорий социального действия в редакции М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и др.

Принципиальные отличия бихевиористского и социологического (в рамках теорий действия) подхода, в том числе к анализу связи общества и пространства, показаны в таблице.

Таблица

Отличия бихевиористского и социологического подхода к анализу связи общества и пространства

Позиции расхождения подходов	Бихевиоризм	Социология (теории действия)
Объект исследования	Индивид	Общество (система (взаимо)действий)
Предмет исследования	Индивидуальное поведение	Социальное действие
Причина человеческой активности	Внешнее воздействие (окружающая среда)	Осознанная (социально значимая) цель
Мотив	Часто отсутствует либо определяется (внешним) стимулом	(Социальное) значение действия (всегда имеет место)
Социальный контекст	Практически не учитывается	Является важным элементом анализа
Логическая конструкция исследования	Индуктивная (сумма индивидуальных актов определяет поведение группы)	Дедуктивная (социокультурные особенности группы определяют действия ее членов)

Обобщенно говоря, бихевиорист при анализе поведения опирается прежде всего на психологическую реакцию (человеческого) организма на воздействие окружающей среды, а социолог — при анализе социального действия — на социальный контекст, в котором внешняя среда (физическое пространство, территория) присутствует в снятом виде (как идея или факт, имеющие социальное значение). Конечно, это не означает, что психологический подход исключается социологами, просто он не является доминирующим (в отличие от бихевиоризма) при объяснении социальных феноменов. Именно социологический (деятельностный) подход, по мнению Б. Верлена, позволяет получить релевантные сведения о «со-

циальном значении „пространственных“ факторов» локализованного человеческого поведения [30. Р. 19].

Вместе с тем социологические концепции пространственно детерминированного действия (как в субъективной (А. Шюц, М. Вебер и др.), так и в объективной (П. Сорокин, Т. Парсонс, П. Бурдьё и др.) перспективах) заметно коррелируют с теорией «трех миров» К. Поппера: 1) физических объектов или физических состояний (физический мир); 2) мыслительных (ментальных) состояний (субъективный мир); 3) объективного содержания мышления: научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства (объективный мир) [21], которую в определенном смысле можно рассматривать в качестве их философского основания.

Как утверждает Б. Верлен, «теория жизненных форм» (life-forms) А. Шюца, сформулированная им еще в 1920-е гг., в определенном смысле описывает отношение «поперовских миров» друг к другу. А. Шюц, хотя и имплицитно, различает три мира, с которыми взаимодействует его действующего субъекта: 1) субъективное сознание деятеля в виде располагаемого им запаса знаний (субъективный мир); 2) мир природы и материальных объектов (физический мир, с которым деятель соотносит свой субъективный мир); 3) социальный мир, включающий всех взаимодействующих субъектов, их действия и артефакты, произведенные ими (объективный мир) [22. Р. 74; 23. Р. 73].

Далее А. Шюц концептуализирует шесть жизненных форм, представляющих собой, по его мнению, специфические конструкции опыта и передающие системы символизации этого опыта в сознании деятеля: «чистую длительность» (pure duration), «длительность, наделенную памятью» (memory-endowed duration), «действующее Я» (the acting I), «Вы-ориентированное Я» (the Thou-oriented I), «говорящее Я» (the speaking I), «думающее Я» (the thinking I). Каждая жизненная форма — это система установления значения, которая становится, как объясняет И. Срубар, «все более сложной с увеличением дистанции от жизненной формы чистой длительности» [27. Р. 38]. Иными словами, каждая жизненная форма имеет своеобразный передающий уровень, на котором символизируется опыт таким образом, что каждый более низкий уровень интерпретируется более высоким.

Субъективный мир конституируется в жизненной форме «чистой длительности», где существует только актуальное «сейчас». Данная форма репрезентирует наш непосредственный опыт постижения мира во всем его многообразии, но такой опыт во всей его полноте не может перейти в более высокую жизненную форму «длительности, наделенной памятью». Для того чтобы это произошло, действующий субъект должен произвести мыслительную операцию по вычленению из недифференцированного «сейчас» тех аспектов чистой длительности, которые релевантны актуальной ситуации и приобретают значение в контексте связи прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, по мнению А. Шюца, отправным пунктом являются опыты «чистой длительности», часть из которых путем «селективной символизации» жизненного опыта индивида переходит в «длительность, наделенную памятью» [30. Р. 75].

На данном уровне теоретизирования возникает вопрос о связи его субъекта с ситуацией (элементом или сектором физического мира в его пространственно-временной протяженности), по сути, являющейся коннотацией континуальности

социума и (физического) пространства. Б. Верлен утверждает, что специфическим воплощением такой связи на личностном уровне, экстраполируемой затем на межличностные (Вы-) отношения и все общество, выступает тело деятеля (body), которое становится центром действий, направленных во внешний (физический и социальный) мир. Функция тела, по И. Срубару, состоит «в посредничестве между длительностью и гомогенной протяженностью мира пространства-времени. Оно преобразует (converts) воспоминания в пространственные действия» [27. Р. 32]. Физическая локализация тела, с одной стороны, структурирует окружающие предметы, которые могут влиять на опыт Я в «чистой длительности», с другой стороны, определяет сферу непосредственного (direct) влияния действующего субъекта. Тело — это такая «особенно подходящая» связь» [24. Р. 41] между субъективным и физическим мирами. Как носитель (vehicle) и «стадия транзита» познания и действия, тело определяет специфику здесь и сейчас, но при этом, подчеркивает Б. Верлен, оно само не определяет содержание опыта. И далее поясняет: «Конституализация физического мира, таким образом, происходит посредством осознания собственного опыта своего тела в движении. Хотя значение такого движения производится из осознанного намерения, сознание как таковое «не способно выполнить действие» [24. Р. 74]. Тело поэтому выглядит как функциональная связь между внутренними процессами и действиями, направленными во внешний мир» [30. Р. 75—76].

Таким образом, физическая (пространственно-временная) и географическая (территориальная) локализации тела непосредственно влияют на формирование опытов «чистой длительности» и опосредованно (через символизацию опыта) — на «длительность, наделенную памятью». С приобретением опыта пространственности собственного тела, отмечает А. Шюц, «исследуется и дается пространственность всех других вещей» [24. Р. 104].

«Вы-отношения» возникают на пересечении двух длительностей, двух запасов знаний и двух направлений действия. При этом происходит сличение непосредственного опыта Я с действиями Другого, которые посредством этого интернализуются в опыт Я. С увеличением числа и многообразия таких пересечений и обменов возрастает уровень сопряженности, интересубъективности значений жизненного мира, конституирующих социальный (в терминах А. Шюца) или объективный (в терминах К. Поппера) мир.

По А. Шюцу, интересубъективность значений социального и физического миров возникает в жизненной форме «действующего Я в Вы-отношениях» в ситуации «лицом к лицу», когда могут быть непосредственно проверены взаимные символизации и интерпретации. Но это касается прежде всего символических жестов. В ситуации речевой символизации на первый план выходит жизненная форма «говорящего Я», предполагающая более высокий уровень сложности. Здесь значения отделяются от материального носителя (тела актора) и трансформируются в социально значимый контекст языковой системы. Опыты Я и Вы обобщаются и типизируются благодаря концептуально-символической функции языка [24. Р. 143]. Наконец, жизненная форма «думающего Я» предполагает теоретическое отношение к повседневному миру, использование формальной логики и в остатке — «объективное» (в попперовском смысле) знание как цель.

Подводя итог краткому анализу теории «жизненных форм» А. Щюца, можно сказать, что в субъективном мире действующего индивида посредством формирования и координации всех шести концептуализированных выше форм происходит специфическое сличение и приведение в соответствие онтологически различных миров (физического и социального). В конечном счете это, с одной стороны, создает условия для канализации территории («жизненного пространства») в системы социальных действий и, соответственно, социальные взаимодействия индивидуальных акторов и социально-территориальных общностей, с другой — свидетельствует о нерелевантности социологического исследования социальных действий и взаимодействий (социальных систем и общества в целом), исключая пространственный (территориальный) аспект.

Помимо тела, которое выступает специфической «точкой отсчета» символизации опыта и действий его обладателя (индивидуального субъекта/актора), важную роль в понимании континуальности общества и пространства играют отдельные локусы (местности), детали ландшафта (гора, лес, излучина реки и т.д.), поселения и их сегменты (город, деревня, район города, улица, двор), а также разнообразные артефакты, наделенные объективным социальным значением. Именно значения, как подчеркивает Б. Верлен, но не их материальные носители, инкорпорируются в системы социальных действий и обеспечивают, таким образом, релевантность пространственного (территориального) анализа социальных феноменов.

Этот тезис нуждается в доказательстве, поскольку ряд авторитетных исследователей, в частности, один из создателей теории социального пространства П. Сорокин, утверждают обратное: «Чистые значения находятся полностью за пределами геометрического пространства, будь то трехмерное пространство классической механики или пространство Лобачевского, Римана, или какое-либо другое» [26. Р. 114]. Действительно, «одинаковые материальные объекты могут символизировать разные социальные значения, и одинаковые значения могут быть представлены разными объектами» [30. Р. 147]. Однако отмеченное несоответствие подходов можно устранить путем последовательного развития взглядов того же П. Сорокина, а также Т. Парсонса, П. Бурдьё и ряда других исследователей, что убедительно доказывает Б. Верлен.

Так, П. Сорокин утверждает, что каждый феномен или элемент социокультурного (социального) мира состоит из трех компонентов: 1) объективного, чистого значения; 2) посредника или носителя, в котором это значение выражается; 3) актора, воплощающего своим действием данное значение и воспроизводящего, таким образом, соответствующий ему сегмент социокультурного мира [26. Р. 122]. Далее он ставит задачу поиска валидных пространственных координат (*spatial frames of reference*), которые позволили бы позиционировать указанные компоненты. При этом сам П. Сорокин утверждает, что измерения локализации для всех трех компонентов в основном одни и те же. Другими словами, позиции, занимаемые исполнителем действия, и позиции посредников или носителей значения в принципе определяются значением системы и могут быть выведены из нее.

Валидные пространственные координаты для социального мира по П. Сорокину, включают пять основных и два промежуточных измерения: религию, науку, язык, искусство, этику, экономику и политику, — каждое из которых, в свою оче-

редь, состоит из подразделений, позволяющих добиться более точной локализации значений в социальном пространстве. Значение действия или его последствия локализуется адекватно, если мы в состоянии установить позицию, занимаемую этим действием в одном из выше перечисленных измерений. Отсюда следует, например, что православное и католическое действия (оба религиозные) находятся в социальном пространстве гораздо ближе друг к другу, чем религиозное и экономическое (составляющие два разных измерения), независимо от физической диспозиции совершающих эти действия акторов, которые могут находиться как в непосредственной близости друг от друга, так и удалены на сотни и тысячи километров. При этом, как справедливо замечает Б. Верлен, такой подход имеет два существенных недостатка: во-первых, в нем отсутствует «точка отсчета» как центральная категория ориентации в пространстве; во-вторых, локализация действий в социальном пространстве никак не соотносится с локализацией акторов в физическом пространстве. Однако предположения П. Сорокина, «неубедительные во многих отношениях, являются шагом вперед в сравнении с рудиментарными идеями К. Поппера по этому поводу» [30. Р. 150].

Несколько иначе к проблеме локализации значений подходят Т. Парсонс и Р.Ф. Бейлс [20]. Для этого, по их мнению, необходима обобщенная схема описания и объяснения действий, которая может быть применима как для социального («пространство действия»), так и физического («пространство поведения») миров. Это становится возможным, если валидные пространственные координаты социального мира будут подобными пространственным координатам физического мира. Т. Парсонс и Р.Ф. Бейлс настаивают на релеванности такого подхода, поскольку социальный мир такой же «прямолинейный», как и физический, вариации континуума первого линейны по каждому из измерений, время учитывается в анализе процесса, по существу, таким же образом, как в классической механике [20. Р. 85].

По поводу «точки отсчета» они заявляют: «Мы должны быть в состоянии описать локализацию в начальное время (t_1) и изменение локализации в последующее время (t_2). Каждая локализация должна быть описана в терминах четырех логически независимых утверждений факта, по одному для каждой из четырех координат пространства» [20. Р. 86]. Однако возможность переноса «точки отсчета» из четырехмерного «пространства действия» в евклидово (трехмерное) пространство кажется им сомнительной: «Проблема, по-видимому, связана с тем фактом, что есть, в некотором смысле, «границы» пространства теории действия, с которыми нет тесных аналогий в пространстве классической механики...» [20. Р. 91]. «Точка отсчета не может быть произвольной... <она> должна соотноситься с конкретной системой, которая анализируется» [20. Р. 95]. Это означает, поясняет Б. Верлен, что установление точки отсчета зависит от того, относится ли анализ к «индивидуальной системе» или к «социокультурной системе» [30. Р. 151]. В своих трудах Т. Парсонс и Р.Ф. Бейлс так и не смогли установить связь между своей пространственной концепцией социального мира и валидными координатами для позиционирования действия в физическом мире. Как отмечает в связи с этим Е. Коно, «парсоновское соединение пространственных концепций социального и физического миров — это более свидетельство веры, чем решение пространственной проблемы» [17. Р. 196].

Другая оригинальная концепция конвергенции социологического анализа социального и физического миров принадлежит П. Бурдьё. Его теория построена на последовательной критике экономического редукционизма марксистской социологии. При этом собственные взгляды П. Бурдьё, как это видно, в частности, из используемой им терминологии, также не свободны от экономического детерминизма. Исследователь противопоставляет одномерной марксистской концепции общества свою теорию многомерного социального пространства, которое возникает вследствие того, что позиции действующих субъектов определяются их положением по отношению друг к другу (причем каждый актор занимает только одну позицию в социальном пространстве), а также как результат различных принципов распределения. По мнению П. Бурдьё, таких принципов два — «сила» (power) и «капитал» (capital), но не в том смысле, какой вкладывал в эти термины К. Маркс.

П. Бурдьё различает четыре типа «капитала» и четыре связанных с ними поля «силы» социального мира: экономическое поле (экономический или материальный капитал); культурное поле (культурный капитал); социальное поле (социальный капитал); символическое поле (символический капитал как принятая и легитимная форма трех других форм капитала, объективированная в престиже, репутации и т.д.) [12. Р. 4, 11, 31]. Реальная диспозиция каждого актора в социальном пространстве является суммой его теоретически сконструированных позиций в каждом из этих полей, и каждая отдельная диспозиция определяется посредством силы, позволяющей определить отношения власти и возможности выгоды в соответствующем поле.

Ученый обнаруживает целый ряд параллелей в социальном и физическом мирах. Так, в обоих мирах существует оппозиция центра и периферии, являющаяся выражением дистанцирования в социальном пространстве и неравного распределения разных типов капитала и соотношения силы в пространстве географическом. Изменение социального положения (статуса) в связи с изменением условий или характера труда, размеров заработка и т.п. в значительной части случаев сопровождается перемещением в физическом пространстве (переезд из города в деревню, из столицы на периферию, из престижного района города в трущобы или наоборот) и совпадают по времени. Политическая мобилизация масс или возникновение социальных движений на той или иной территории являются инверсией, пропорциональной ее диспозиции в социальном пространстве региона, страны или планеты. И общий вывод: «„Социальное пространство“ означает, что мы не можем соединить какие-либо тела, занимающие совершенно разные позиции» [30. Р. 154].

Данные идеи находят подтверждение, в частности, в труде Д. Мессе, которая анализировала новое территориальное разделение труда в Великобритании и пришла к выводу, что «начальная локализация государственного механизма и концентрация „населения высокого статуса“ на юго-востоке Англии были важной причиной для последующего роста там концентрации... Жилищные предпочтения и особенно различная способность выбора места проживания стали социальными средствами, благодаря которым эта страта... стала настолько простран-

ственно сконцентрирована... в отличие от того, что имело место в других секторах общества и в других частях страны» [18. Р. 301].

Вместе с тем в пространственных взглядах П. Бурдьё, также как в его теориях социального капитала, классов и «габитуса», есть ряд противоречий и недосказанностей, на которые обращает внимание Б. Верлен. Первое противоречие заключается в том, что исследователь пытается локализовать в социальном пространстве тела действующих субъектов (акторов), а не социокультурные значения. Здесь он противоречит сам себе, когда заявляет, что они имеют только символические черты, но при этом одновременно перемещаются и в социальном, и в географическом пространствах. Оба вида перемещений для него одинаково реальны. Однако такая реальность, по мнению Б. Верлена, возможна лишь в случае, когда «перемещение „в“ географическом пространстве выражает движение материальных фактов, перемещение „в“ социальном пространстве свидетельствует об „изменении“ значения содержания в рамках нематериального социального мира... Но они никогда не совпадают» [30. Р. 155]. В противном случае любое изменение диспозиции в физическом мире неизбежно сопровождалось бы изменением социального положения и наоборот, но такой прямой зависимости, как известно, не существует.

Второе противоречие связано с разграничением и связями различных полей. Несмотря на то, что П. Бурдьё строит свою теорию на критике экономического детерминизма К. Маркса, он сам ставит поле экономики на вершину их иерархии и концептуализирует культурное и социальное поля в экономических терминах. В результате получается «тихая экономизация других царств социальной реальности» [30. Р. 156].

Третий пункт критики связан с пониманием П. Бурдьё категории «пространство» и роли «пространства» в конституировании социального мира и ориентации в нем. Судя по его высказываниям на этот счет, «пространство» для П. Бурдьё — это некий «резервуар», в который можно «положить» элементы локальности. Однако это не совсем верно для физического мира и совершенно не подходит для мира социального. По-видимому, это означает, что «пространство» для П. Бурдьё — не только категория, позволяющая упорядочить наши опыты, но и элемент реальности, а это неверно.

П. Бурдьё описывает отношения различных полей и позиций акторов в них как каузальные отношения и «форму каузальной детерминации, которая определяется структурированными отношениями» и принципами распределения [11. Р. 10]. Это приближает его к структуралистским идеям Л. Альтуссера и Е. Балибара, которые полагают, что позиция заключает в себе социальное качество и социальную силу [10. Р. 180]. Однако позиция сама по себе, как справедливо утверждает Б. Верлен, не может быть агентом, она может быть лишь выражением признака данного факта, описательным по отношению к признакам других данных фактов [30. Р. 157]. Позиции — не действия, они становятся релевантными только в действиях интерпретации, но не сами по себе. Отсюда следует, что идея П. Бурдьё о «поле силы», установленном разными позициями по меньшей мере вводит в заблуждение: «Поскольку разные поля являются продуктом определенных катего-

ризации в определенном отношении, они не могут иметь в себе какой-либо непосредственной силы» [30. Р. 157].

Таким образом, социальный и физический миры соотносимы, но не сводимы друг к другу, их научный (социологический) анализ требует поиска пространственных координат, валидных для каждого мира в отдельности. Но есть еще одна проблема, нуждающаяся в рассмотрении, — особенности рефлексии данных миров в субъективном (ментальном) мире индивида и группы, порождающей различные паттерны территориальных действий и территориального поведения и, соответственно, лежащей в основании формирования социально-территориальных общностей и поселенческих общин.

Как утверждает Б. Верлен, «ментальная карта» индивида связана не с его субъективным пространством, а с субъективной репрезентацией пространственного устройства материальных объектов, основанной на пространственных концепциях физического мира. Отсюда ученый формулирует теорию, согласно которой «в рамках объективной перспективы ориентации <актора> в контексте физического и социального миров будут успешными, если субъективные репрезентации совпадут с их объективным порядком» [30. Р. 159].

Что способствует или является основанием для таких совпадений? По мнению Б. Верлена, это артефакты, наделенные объективными значениями, составляющими запас знаний акторов: «Перемещения в пространственном контексте интенциональны, и их интенциональность устанавливается на фоне социально сформированного и в значительной степени ассоциированного запаса знаний» [30. Р. 163]. Важным свойством артефактов является их двойственность: как материальные объекты они принадлежат физическому миру, как носители социокультурных значений — социальному миру, и, таким образом, «перекидывают мостик» от внутреннего мира индивида к физическому и социальному мирам.

Здесь обнаруживается определенная конгруэнтность между телом актора и артефактом: первое служит материальной основой для действия, второй (в его материальной ипостаси) — предварительным условием социально значимого контекста. Но есть и важное различие — тело актора обладает относительно автономным сознанием, в котором складываются намерения и мотивация действий.

Особую важность для понимания континуальности общества и пространства имеют иммобильные материальные артефакты (отдельные здания и сооружения, особенно наделенные политико-административным или религиозным значением; социальная, транспортная и иная инфраструктура и т.д. [6. С. 134—135; 9]). Они формируют «квазипостоянную структуру физического мира и его пространственных измерений с точки зрения социального аспекта... Паттерны социальных взаимодействий в конкретных социальных процессах пространственно структурированы в отношении иммобильных социальных значений артефактов» [30. Р. 165]. Нечто подобное утверждает (правда, не развивая далее эту мысль) и российский географ А.А. Ткаченко. Он вводит понятие «организаторы социального пространства», понимая под ними разнообразные социально значимые объекты, притягивающие к себе людей. Ученый называет три группы таких организаторов («им-

мобильных артефактов»): места получения различных благ и общения населения; места приложения труда; органы власти [7. С. 13]. Можно добавить к ним места религиозного поклонения и отправления ритуалов (церкви, кладбища и т.д.).

Таким образом, подлинное социальное исследование, подчеркивает Б. Верлен, в объективной перспективе должно локализовать образцы действий в отношении валидных пространственных координат физического и социального миров; в субъективной перспективе — брать в расчет диспозиции значений [артефактов] в валидных координатах субъективного мира [30. Р. 166—167].

Последнее ставит перед исследователем задачу поиска релевантных фреймов социальных значений материальных артефактов и связанных с ними символических значений отдельных местностей (локусов) и топонимов. Основная проблема здесь состоит в поиске способов наделения значением («символического инвестирования», как говорит Б. Верлен [30. Р. 174]) предметов материального мира и отдельных местностей, которые сами по себе никакого социального значения не имеют. Важную подсказку для решения этой проблемы дает Г. Зиммель в работе, посвященной социологическому анализу «рандеву», которое «обозначает как саму встречу, так и место встречи» [25. Р. 43].

По мнению Г. Зиммеля, иммобильные материальные артефакты структурируют пространство социального действия («здесь» я живу, «там» я работаю, «в этом месте» я встретил свою любовь и т.п.) и таким образом делают его «безопасным для сознания». Локализация действия в физическом пространстве имеет для актора большее значение, чем локализация во времени, потому что первая «более жива для чувств» [25. Р. 43]. Поскольку в социальных взаимодействиях, «привязанных» к тому или иному артефакту (Г. Зиммель приводит примеры города и церкви), участвуют многие люди, постепенно они формируют коллективное осознание «принадлежности» к этому месту и инвестируют в него символическое значение, которое с этого момента становится абстрактным. При этом, как утверждает Г. Зиммель, символический план социальной коммуникации имеет предельную (utmost) важность для развития «осознания принадлежности» к социальному организму или более точно — для территориальной социальной интеграции [25. Р. 41]. Последняя наиболее заметно проявляется в наделении мест (зданий, поселений, локусов) собственными именами (топонимами), которые символизируют социокультурную индивидуальность людей, живущих там, а также в устойчивом (от поколения к поколению) воспроизведении паттернов социального (территориального) поведения [2; 6].

Данные фундаментальные положения социологии пространства Г. Зиммеля получили продолжение в трудах М. Холбвачса, Г. Трейнена, Г. Моса и др. Так, в частности, М. Холбвачс вводит понятие «коллективной памяти», которую анализирует в терминах ее временных и пространственных измерений и дифференциаций. По его мнению, коллективная память — это межличностно доступное знание о событиях и объектах в рамках конкретной группы. При этом «каждая <индивидуальная> память — это „точка зрения“ на коллективную память, которая изменяется, когда изменяется моя позиция, которая, в свою очередь, изменяется, когда

изменяется мое отношение к другим позициям (*milieus*)» [16. Р. 48]. С пространственной точки зрения, поясняет Б. Верлен, «материальный мир с символическими значениями, воплощающимися в нем, — это сфера, в которой индивидуальный деятель входит в отношения, основанные на его позициях в социальном и физическом мирах» [30. Р. 176].

Поскольку социальный мир непрерывно изменяется, меняется и символическое значение его материального окружения (физического пространства, территории, артефактов), что приводит к изменению социальной группы. Это объясняет, по мнению М. Холбвачса, значение символического содержания иммобильных материальных артефактов — оно служит обеспечению безопасности и социальной ориентации индивида и группы. Исследователь приходит к заключению, что «ментальное равновесие прежде всего связано с тем фактом, что физические объекты, с которыми мы повседневно контактируем, незначительно или вообще не изменяются, обеспечивая нас образом постоянства и стабильности» [16. Р. 128]. По мнению М. Холбвачса, символическое содержание материального основания общества и его пространственная иммобильность, во-первых, обеспечивают континуальность в условиях непрерывных социальных изменений, во-вторых, являются специфическим передающим механизмом коллективной памяти от одного поколения другому.

Г. Трейнен, основываясь на теориях Г. Зиммеля и М. Холбвачса, сформулировал идею о том, что символическая «связанность с местом — это не специальный феномен, посредством которого человек приближается к терминам его физического окружения. Это довольно специфическая форма более общей проблемы — символизации человеческих отношений» [28. Р. 237]. Действующие субъекты связывают свои личные опыты с физической локальностью и объектами и артефактами, помещенными там. Отсюда Г. Трейнен делает вывод, что символическое отношение с местом формируется, «когда место становится связующим элементом в социальных действиях членов локальной социальной структуры» и что отношение к месту манифестируется посредством идентификации с топонимом, который репрезентирует символ для этой категории (места) [28. Р. 238].

Следовательно, Г. Трейнен фокусирует свои исследования на эмпирической регистрации различных значений топонимов и реконструкции процесса, который ведет к этой специфической форме символизации. Он обнаружил ряд факторов, являющихся решающими в данном процессе. Так, если социальные действия часто повторяются в сходной физической ситуации или в сходном ситуационном контексте, элементы того или другого могут стать так тесно связанными с действием, что один из них становится символом действия. Роль такого символа часто играет название (топоним) материального аспекта ситуации действия. Далее, обнаружилась зависимость специфической формы значения символа от интенсивности и частоты воспроизведения действия. При этом, как отмечает Г. Трейнен, «если природа отношений между их участниками изменяется, возможно, что символы остаются связанными <с данными отношениями>, но с измененным значением» [28. Р. 239]. Наконец, специфическое значение, которое отдельный символ имеет

для акторов, а также идеи и эмоции, которые они связывают с ним, зависят от того, как они взаимодействуют в ситуации, которую репрезентирует символ. Более того, безотносительно формы символа, согласно теории Г. Трейнена, он остается элементом в «валидных рамках ориентации действия» [30. Р. 178]. Символ места (или артефакта) репрезентирует характеристики социальных отношений между актором и другими участниками в сходной ситуации действия. Значение символа, соответственно, становится выражением пути, которым идентичность актора связывается с ситуацией, в которой он использует символ и его значение для ориентации, для тех действий, которые связаны с символически опосредованной ситуацией.

Таким образом, методологические подходы к анализу взаимосвязи общества и пространства (в триединстве физического, субъективного и социального миров), сформулированные в трудах целого ряда авторитетных ученых Западной Европы и США в 1960—1990-е гг., краткому изложению которых была посвящена данная статья, на наш взгляд, позволяют перейти от априорного постулирования их континуальности к референтному и предметному социологическому анализу, позволяющему получать достоверные результаты и повышать, таким образом, эффективность социологического анализа актуальных социальных процессов и явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гладкий Ю.Н.* Регионоведение: Учебник. — М.: Гардарики, 2000.
- [2] *Завалишин А.Ю.* Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ). — М.: РУДН, 2008.
- [3] *Колесов В.П.* Территориальное управление экономикой: Словарь-справочник: 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2005.
- [4] *Минакир П.А.* Пространственные трансформации в российской экономике. — М.: Экономика, 2002.
- [5] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000.
- [6] *Рязанцев И.П.* Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2006.
- [7] *Ткаченко А.А.* Территориальная общность людей: социально-географическая концепция: Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. — М., 1995.
- [8] *Филиппов А.Ф.* Теоретические основания социологии пространства. — М.: Канон-Прес-Ц, 2003.
- [9] *Щепаньская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп / Ред. Т.А. Бернштам. — СПб., 1995.
- [10] *Althusser L.* Reading «Capital». — L.: New Left Books, 1970.
- [11] *Bourdieu P.* Espace social et genèse des «classes» // Actes de la recherché en sciences sociales. — 1984. — V. 52.
- [12] *Bourdieu P.* Le champs littéraire // Actes de la recherché en sciences sociales. — 1991. — V. 89.
- [13] *Foucault M.* Discipline and Punish: the birth of the prison. — N.Y.: Vintage Books, 1979.
- [14] *Giddens A.* The Constitution of Society: outline of the theory of structuration. — Cambridge: Polity Press, 1984.
- [15] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Standford: Standford Univ. Press, 1990.
- [16] *Halbwachs M.* The Collective Memory. — N.Y.: Harper & Row, 1980.

- [17] *Konau E.* Raum und soziales Handeln. Studien zu einer vernachlässigten Dimension soziologischer Theoriebildung // *Göttinger Abhandlungen zur Soziologie*. — Vol. 25. — Stuttgart: Enke, 1977.
- [18] *Massey D.* Spatial Division of Labour: Social Structures and the Geography of Production. — L.: Macmillan, 1990.
- [19] *Parsons T.* The Structure of Social Action. — N.Y.: McGraw-Hill, 1937.
- [20] *Parsons T.* The Dimension of Action Space // *Parsons T. Working Papers in the Theory of Action* / T. Parsons, R.F. Bales, E.A. Shils. — Glencoe, Ill.: Free Press, 1953.
- [21] *Popper K.R.* Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. — Oxford: Clarendon Press, 1979.
- [22] *Schutz A.* Collected Papers. vol. I. — The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.
- [23] *Schutz A.* Reflections on the Problem of Relevance. — New Haven: Yale Univ. Press, 1970.
- [24] *Schutz A.* Life Forms and Meaning Structures. — L.; Boston; Melbourne; Henley: Routledge and Kegan Paul, 1982.
- [25] *Simmel G.* Soziologie des Raumes // *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*. — 1903. — V. I. — № 1.
- [26] *Sorokin P.A.* Sociocultural Causality, Space, Time. — N.Y.: Russel and Roussel, 1964.
- [27] *Srubar I.* «Schutz» Bergson-Rezeption // *Schutz A. Theories der Lebensformen*. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
- [28] *Treinen H.* Symbolische Ortsbezogenheit // *Materialien zur Siedlungssoziologie* / eds P. Atteslander, B. Hamm. — Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1974.
- [29] *Watson J.B.* Behaviourism. — N.Y.: Norton, 1970.
- [30] *Werlen B.* Society, Action and Space: An Alternative Human Geography. — L.; N.Y.: Routledge, 1993.

THE CONTINUOUS STATE OF SOCIETY AND SPACE IN THE SOCIOLOGICAL DISCOURSE OF THE MID-TO-LATE XXTH CENTURY

A.Yu. Zavalishin

Social Sciences and Humanities Chair
Khabarovsk State Academy of Economics and Law
Tikhookeanskaya str., 134, Khabarovsk, Russia

The author provides the rationale for the relevance of the continuity concept incorporation into Russian sociological discourse, identifies the approaches to its analysis available in Western theoretical sociology.